

Медушевский В.В.

Адекватен ли язык науки природе культуры?¹

Ответ виден лишь с расстояния. Сопоставим теоретические осознания любых сфер бытия в Новейшее время и отдаленные времена, — тут же заметим тенденцию к иссушению, к деонтологизации, к ослаблению духовной вертикали, к умалению энергийно-векторных представлений и усилению скалярных. Иссушение затронуло не только теорию. Даже естественные языки. В древнем человечестве они пелись, ныне мы бурчим. Исчез звательный падеж любви (ново-звательный строится не удлинением, а усечением звучания: «мам!», «Вов!». «Коль!», «Наташ!»). Изначально языки были долготными. Около Нового времени (в Италии в XIV, в Германии и России в XVIII веке) долготный акцент² — а это слово означает «пропеваемое», от сапо «пою», откуда и «кантата», — вытесняется громкостным ударением (родственно «дыра, драть, дерьмо»)³.

Статья посвящена роли певучего, созидательно-энергийного начала в науке, культуре, жизни. Ведь не роботы же мы?

1. Энергийно-векторный и формальный подходы

В 1994 году предложили мне выступить на Пятом международном конгрессе по семиотике в Беркли (США). Я послал доклад «О семиотике живой и мертвой», полагая, что он будет определён в секцию по методологии семиотической науки. Он был построен на сравнении современной семиотики и семиотических представлений у святых отцов. Исходный образ знака у Ф. де Соссюра, одного из основателей современной семиотики, — лист бумаги, на одной стороне которого означающее, на обратном означаемое. Отцы же исходили из подобия любого элемента культуры человеку с его телом-душой-духом. В пламенеющей духом святой семиотике слово понималось как энергия, перестраивающая логистикон — понимающую и желательную способность души.

Разве не так? «Блаженны нищие духом». Бесконечна и прекрасна творяще-благодатная сила этой заповеди смирения. Без полного оставления самости не войдет в человека Святой Дух преображения. Его невидимая чудная сила подняла христианскую цивилизацию. «Слово мое и проповедь

¹ Готовится к печати в сборнике материалов конференции ГИИ 2017 г «Искусствознание: наука, опыт, просвещение» (М., 2018, с. 455-476).

² В греческом языке это просодия, где в корне слова — тоже ода, восторженная песнь.

³ См. мою статью: Исторический параллелизм в развитии вербального и музыкального языков // Слово и музыка. Научные труды Мос. Гос. Консерватории им. П.И.Чайковского, Сб. 36, М., 2002, с. 51-71. Параллелизм состоит, в частности, в изменении принципов стихосложения, музыкального метра, танца в соответствии с меняющейся интонацией вербальных языков.

моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы», — говорит апостол Павел. «И дивились учению Его, ибо слово Его было со властью», — властью расправлять душу в свободу чад Божиих.

Поднимет ли цивилизацию Соссюрский лист бумаги?⁴

Линия иссушения видна во всех сферах культуры.

Что плодотворней: гегелевско-марксистская соотнесенность формы с содержанием или античная и христианская — с творящей идеей? Святоотеческое осознание души как единой многоспособной силы — или понимание психики как собрания механизмов? Какое из пониманий живит и какое мертвит?

Если душа — живая, творческая, разумная, свободная сила, сопряженная с источником силы, то и вся культура — духовно-энергична. Векторна, а не скалярна. Диалогически раскрыта: умом в истину, сердцем в красоту любви, волей в подвиг доброй жизни, жизненной силой — во всемогущий Источник жизни. — А не замурована заживо в монологический аутизм по совету и подобию отщепенца-дьявола!

Насчитали более шести сотен определений культуры. Зачем? Оно дано свыше, раз и навсегда, непосредственно из уст Божиих. Культура — возделывание. Возделывание рая, вечная заповедь. Она векторна, разворачивается в направлении бесконечной славы Божией, красоты и любви, — что и составляет блаженную жизнь творения. Отсюда и расцвет культуры!

Бах дефинировал: последняя цель музыки — служение славе Божией и освежение духа (без того вместо музыки «шум и дьявольская болтовня»). Откуда он это взял? От Неба, конечно. Иного источника откровения нет. Богословие определяет красоту как явление славы Божией. Красота входит в нас в восхищении сердца, в окрылении воли, в осветлении ума, в силе духа, даже в исцелении тела (вспомним благодарность излечившегося от рака Хосе Каррераса Рахманинову, во Второй концерт которого вслушивался он неустанно). Красота неотделима от любви. Любить — значит жить в другом. Жить уныло? Нет, в восторжении красоты. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные. О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен!» (Песнь Песней). Таков язык любви. Такова природа Бога.

Сверхгении музыки воспринимали её подобно Баху. Бетховен именовал музыку не иначе, как священным, божественным искусством. Рахманинов сочинение музыки почитал священнодействием, а исполнитель, по его словам, не смеет выйти на сцену без чувства миссии. Миссия — посланничество. Бетховен ли посылает? Нет, если сам Бетховен определял музыку как откровение, более высокое, чем мудрость и философия, то, значит, именно оно жаждет пролиться в сердца. «Сыне, даждь ми сердце». В письме к пианистке Биге Бетховен отметил: в её игре было нечто более

⁴ Доклад был определен в секцию 144 (религия) вместе с докладами о бахаизме и синтоизме. На конгресс я не поехал, сделав для себя два вывода (может быть, неправильных). Первый: говорить о сущностных вещах на Западе невозможно — можно только в безмерно глубокой России и православных странах. Второй: надежды на методологическую перестройку семиотики нет, надо навсегда покинуть эту область.

высокое, «чем я». Конечно! Нет Бетховена без того, что его вдохновляло. Без Бога человек не выше курицы (Еккл. 3:18). Высота откровения есть истинный предмет высокой музыки. Иначе как она подтягивала бы к себе людей? Онтологическая бытийственная высота вливается и в исполнителя, даруя ему силу чудотворения, — ради пробуждения творческой силы жизни в народах.

Суждения гениев, слухом сердца касавшихся небесной красоты, должны бы воссиять в сердцевине подлинного, огненного музыковедения. А в реальности? Ох, зачем мы только поверили Мефистофелю: «Теория, мой друг, сера»? Он клеветник. И мы с ним заодно? Теория в неслучайном этимологическом родстве с Теос'ом (Богом). И призвана быть светоносной, проясняя ум и осветляя сердце. А серая наука опасна. Насеянная дьяволом, она мертвит человечество.

Мертвит неправдой. Приведу пример из музыки: современную теорию метра.

Она неправильна в принципе, в исходных представлениях и основополагающих понятиях. Главные её термины: сильная и слабая доля, тяжелый и лёгкий такт — неверны, ибо являют собой не векторные, а скалярные величины (подобно расстоянию, величине площади, массе, температуре и др.), меж тем как музыкальный метр живет в векторно-энергийном просторе. Векторный — устремленный. Векторная величина (от *vehō* тяну) являет собой силу, имеющую направление. Опорная («сильная») доля подобна начальной тонике: это законоположение бытия, на которое можно опереться в искании большего. Античные греки мудро назвали её тезисом (опусканием). В современном исполнительстве этот вектор виден в интонации тела: пальцы, кисти, руки, корпус словно бы погружаются в рояль, движения смычка впеваются в скрипку. Серия «слабых» долей строится на подхватывающей, увлекающей душу энергии подъёма (греки так и назвали наши «слабые» доли: арсисами, то есть «подъёмами»). Соответственно, и движения векторно устремлены ввысь, от рояля, от скрипки, в дирижёрском жесте. Волна метрического развития летит к следующей опоре, подобно тяготению доминанты к тонике. Прекрасны эти увлекательные поэмы в жизни метра! Душа учится в них жить целеустремленно, вдохновенно, полётно. Скалярная же теория в принципе уныла, бездуховна, иссушает души людей.

Нельзя нам жить скалярно, бюрократически! Тогда б померкло Солнце культуры, угас дух, продолжение истории потеряло смысл и было бы прекращено.

Жить надо стройно, творчески, приподнято, приведя теорию в согласие с природой вещей. Все едино! Откуда высшие действия музыки, как не из общей цели бытия? Музыка, божественнейшее (по мнению мудрецов) из искусств, высвечивает генеральную цель культуры, возделывания рая, с наибольшей яркостью, — но высшее должно животворить и все прочие её сферы.

«Души людей — Божественные (хоть против кричит Эпикур!) — природу свою постигают в песнях». Слова язычника Цензорина — не ориентир ли и для психологии, педагогики, языкознания, для юридической науки и управления, которое апостол Павел относил к дарам Святого Духа?

«Ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь». И эти дивные слова Иоанна Златоуста путеводительны для всех профессий.

В XV веке Тинкторис описал 20 эффектов (действий) музыки. Первый из них, от которого прочие, — Бога усладить. Не звуками услаждается Бог, но тем, как жаждою божественной красоты выходят люди из погибельной заточенности в себя, открываясь дарованиям благодатной силы и радости.

Так и для всех сфер культуры, для науки, в частности, полезно было бы в первую очередь думать о благоугождении Богу, как то было во времена Ньютона. Угождая Богу, ученые и получали много от Него. Богослову Ньютону дарована честь стать основоположником новой физики. До него физика стояла на голове, причину движения усматривая в форме. На голове далеко не уйдешь. Ньютон же ввел в неё объяснительный принцип силы как причины всех изменений в материальном мире. Заимствованный из Библии, он перевернул физику, поставив её с головы на ноги. Тотчас понеслась она вскачь, увлекая за собой технический прогресс.

Зачем отвергать то, что плодотворно? Что противопоставить культуре рая? Антиккультуру ада? Зачем? Светобоязнь от бесов, а они по определению бесплодны.

Послушание же главной цели культуры поднимает дух, раздвигает горизонты, осветляет ведение, озаряет радостью, ободряет волю, теплом любви согревает заочневшие сердца, умножает силу жизни.

Хотелось бы видеть конкретный пример возможностей преобразования науки? Пусть это будет музыковедение.

2. Как перейти к духовно-векторному осознанию музыки?

Оно просится в жизнь. Энергичная теория⁵ находит отклик у исполнителей, ибо отвечает сути их профессии, учит гениальности — жизни в красоте. Скалярной теорией студенты тяготеют. Точки скучны: из них никогда не сложится чудесная жизнь в красоте вдохновенной свободы, подобно тому, как не сложилось из льдинок слово «вечность» у Кая в мудрой сказке Андерсена. Вечность — огонь безмерной живой радости, атрибут Божественного бытия. Огонь любви из льдинок не складывается. Океан блаженного света дожидается человека в Царствии Божиим.

Передача вдохновения составляет миссию искусства. Веяния красоты превосходят собственные возможности человека.: «Не поэт творит

⁵ См. мой учебник «Духовный анализ музыки». М.: Композитор, 2014.

стихотворение, а стихотворение поэта» (Поль Валери). Именно так, — ибо стихотворение творится тем, что выше поэта и учит его.

Великая китайская цивилизация, хранящая в себе явные следы Адамова откровения, понятие духа выразило иероглифом «лин» (дух): . Каждая его черточка выявляет надчеловеческую мудрость. Сверху вниз иероглиф читается как Небо, покрывать, вода, три рта или личности, творящее чудо. Небо! Иносказание того, откуда всё. Всё самое главное, доброе, справедливое, прекрасное. Интересно прикровенное указание на Троицу (в реформированном в середине XX века языке оно выброшено). А завершение: производящее чудо — как важно! Каждое наше слово, каждый взмах смычка должны быть чудотворными. В европейской цивилизации высшее чудо — духовное преображение человека и жизни. Святой Дух — податель жизни нездешней, без красоты которой рассыпается земная жизнь. Его преображающие действия называются благодатью — этим словом Кирилл и Мефодий перевели гр. «харис», с триединым значением «красота=любовь=милость» (лат. gratia, англ. grace).

На примере музыки покажем, каким образом могла бы выстраиваться соответствующая ей духовно-энергетическая теория

Ключ ко всему (в музыке и бытии) — понятие **синергии**. Синергия — соработничество. Слово идёт от апостола Павла, имевшего в виду сотрудничество Божественной и человеческой воли. Бытие есть общение, синергия — основа его. Вдохновение к творческой прекрасной жизни и преображение души — дивный плод.

Синергия преображает всё. Нигде в высокой музыке нет, например, житейской печали: есть печаль небесная, полная утешающей сладости и света, настолько упоительная, что невозможно оторваться от неё — с такой силой влечет она душу к Богу, источнику высшей жизни.

Ты — музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Шекспир не знал еще нежнейшей светоносной печали Шопена. На радость миру она появится только двумя веками позже. Не знал Шуберта, Рахманинова...

А какой ослепительной жизнотворной силой полнятся трагедийные сочинения, какая отвага в них, какое торжество духа в победе над смертью! «Смерть! Где твое жало?!» (1 Кор. 15:55).

Язык музыки уникален. Он позволяет, как в микроскопе, в мельчайших подробностях рассмотреть внутреннее устройство синергии. Не просто увидеть — еще и пережить и научиться чудеснейшему. Если б кусок аморфного железа обладал сознанием, как он описал бы свое преображение при приближении магнита: преображение скаляра в вектор тяготения, возрастающего до неудержимости влечения при большем сближении с магнитом? Как описал бы восторг своего расширившегося вдруг и ожившего

бытия? Человек кроме сознания обладает еще и свободой воли, которая может быть и непослушной. Будь он материей, мог бы заявить: я не какое-то там примитивное железо, я высокоструктурированное бревно, и никакого преобразования скаляра в вектор не существует. Это всё выдумки невежественного железа.

Музыка — язык синергии, и потому язык чуда. Синергия забирается в каждый, даже и наимельчайший элемент вплоть до еле заметных межфразовых цезур. Но без них музыка мертва.

Музыкальный анализ синергии приходится начать с размышления о категориях активности и пассивности. Пассивен булыжник. Активна черепаха. Еще активней человек.

Без Бога в мироздании — лишь одна эта унылая скалярная оппозиция. Примитивной была бы музыка на её основе. Лезет мелодия вверх? — мы активны. Сползает вниз — устали. Так ведь и трактует это унылое музыковедение. Однако подобная музыка внушала бы человеку, что он не выше улитки. Синергия меняет всё. Из нашей инициальной активности она творит высшие сверхэмпирические формы активности. Сказано: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». Да, открытость высшему с готовностью принять его, — это активность, усилие. И немалое. Можно сказать, подвиг воли и героизм. Не будем даже говорить о музыке духовной отваги, о трагедийных шедеврах. Сравним самое нежнейшее сочинение Шопена с разболтанной попсой — и эта собранность духа становится очевидной. Вот посмертный (юношеский) Ноктюрн *cis moll.* Без вступления основную мелодию можно принять за земную лирику. Но две молитвенно-просительные фразы вступления меняют восприятие: музыка явным образом льется с Неба. А дальше обилие легчайших пассажей не оставляет сомнения в том, какой небывалой высоты и внутреннего непрекращающегося горения была душа композитора.

В ответ на усилие (в молитвенной собранности или решительности подвига) царственная некая сила подхватывает душу, душа блаженно воспаряет в свободу, — как и сказано: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко». Волшебное перетекание энергий внутри синергийного диалога и составляет тайну обаяния музыки. Некоторые аналогии можно усмотреть и на земле: вдох совершается усилием мышц. В спёртом или смрадном воздухе дышится с трудом, словно грудь обложена свинцом. А на альпийском лугу мы с восторгом пьем нектар благоуханий. И в музыке так: откройся высшему — тотчас подхватывает её сладкая неведомая сила. Тогда уже не бедный альпинист в поте лица карабкается по скале, но окрыленная душа возносится благодатно, парит над горами, над всей красотой земной.

По-разному, в разных формах может совершаться восхождение мелодии на высоту — в различных соотношениях инициальной и подхватывающей энергий.

А спад? Никогда это не спад души! Долгие ниспадания любит Рахманинов. Но какое в них блаженство! В романсе «Здесь хорошо» фортепианное сопровождение строится на фигурке райского подхватывания

души (типичной для таких состояний). Мелодия же как бы изнемогает от обилия несказанной сладости открывшегося душе Царствия. Насытившись же нектаром вечности, во второй части восходит в нежнейшем восторге благодарности и славословия. В побочной партии Второго фортепианного концерта на долгом спуске мелодии композитор ставит указание *tenuto*. Откуда это стремление любовно продлить каждый звук, насытив его вечностью, — от полноты или от пустоты душевной? Ответ очевиден. Подобно налитому зерном колосу, мелодия склоняется вниз от непомерного преизобилия благодатной полноты.

Возьмем противоположный по состоянию пример — знаменитое *Largo e mesto* из Седьмой сонаты Бетховена. Душа мучительно стеснена. Но это великая душа. Как одолеть ей свинцовую тяжесть? Препобеждая мрак, мелодия с усилием начинает восхождение, в пятом такте приостанавливается в просящей псалмодии, затем с новой силой устремляется ввысь, и на напряженной гармонии застывает в немом прошении новой псалмодии, после чего в восьмом такте на небесном кадансовом аккорде даруется ей внезапное освобождение. Мелодия стремительно снижает свою звуковую высоту. Душа ли упала? Нет, упал камень с души, смертный грех подавленности. Душа же воспарила в Небеса и готова воспеть песнь освобождения. В тяжести не запоёшь. Тяжесть претерпевается. Зато теперь, вознесенная в свободу, душа изливается в благодарной радости.

Богочеловеческое сопряжение энергий осуществляется не только в каждый момент звучания, но и в разновременном диалоге Божественных призывов и человеческих ответов, человеческих прошений и Божественных ободрений.

Именно синергией обусловлена форма-композиция — план размещения во времени музыкального материала.

Начнем с самых общих функций любой временной композиции. Аристотель говорил о начале, середине, конце. Асафьев дал им имена *i:m:t* (*initium-motus-terminus*) — начало-движение-граница. Триада пронизывают все стороны музыки и действует на всех масштабных-временных уровнях формы — от звука и мотива до целостной композиции.

Об инициальной энергии мы уже вскользь говорили. Для чего она?

Любви не прикажешь, и Бог — не насильник. Его первый дар — свобода для открытости небесной жизни в нас. Бог хочет нашей ответной любви, но инициативу первого шага предоставляет нам. Свобода нашего отклика на зов красоты и составляет содержание **инициальной** энергии. Слово *initium* сложено из префикса *in-* (в-) и корня, который есть и в русском языке, — со значением идти. Доверительным откликом мы входим в царство красоты.

Фаза *t* — на подхватывающей небесной энергии, **катарсическая**⁶. Ум и сердце возносятся в высший регистр бытия.

⁶ Понятие катарсиса (очищения) Аристотель из религии перенес в сферу искусства.

А воля, сила к новому подвигу жизни? Она уже присутствовала в инициальной энергии, однако, — с некоторым привкусом самодостаточности. А теперь, в фазе *t*, — и она преображена! Теперь она окрылена! Теперь она полетна, вдохновенна, дерзновенна⁷. Энергию этой фазы синергии назовём **энтузиастической**. Это слово, как говорят лингвисты, сложено из префикса эн- (в-) и Теос (Бог), в целом «вбоженность», а по-русски — вдохновение.

С необыкновенной ясностью эта триада проявляется в устройении сонатной экспозиции. Сонатных форм — тысячи, а логика взаимодействующих энергий одна. Главная партия — концентрат инициальной энергии. В «Аппассионате» Бетховена это собранная в кулак твердая решимость воли. В сонате *b moll* Шопена — огненная ревность отваги (она подготовлена кратким вступлением, бросающим имманентного героя сонаты в водоворот действия). В скрипичном концерте Хачатуряна инициальная энергия выражена в духе боевого горского танца.

Побочная партия несет в себе катарсическую энергию. У Бетховена это мелодия свободы и победительной мужественной готовности ринуться в схватку. У Шопена — хорал, молитва, торжество веры, расцветающей любовью и рвущейся к свету. У Хачатуряна — тоже соединение веры и любви, распетое на восточный лад в псалмодически повторяющемся тоне.

Заключительная партия — всплеск энтузиастической энергии дерзновения. У Бетховена она бурлива, вдохновенна, отважна. У Шопена экстатична и гимнична. У Хачатуряна она слита с побочной партией и звучит на изысканно-пряных гармониях и тоже в духе экстатически-гимничных взываний.

На следующем масштабно-временном уровне триада энергий обретает испытательный смысл. Содержание сонатной экспозиции в целом (*initio*) — преображение человека. Оно должно быть испытано в следующем разделе сонатной формы — разработке. Как поведет себя интонационный герой в напряженной ситуации? Это и есть содержание этапа *motus*.

Главная задача композитора здесь, в разработке, по слову Чайковского, — удалиться от основной тональности как можно стремительней и как можно дальше. Для чего? Абсолютное господство основной тональности в произведении — неизменяемый твердый закон музыкального языка. «Я не изменяюсь», — говорит Бог в Священном Писании. Потому мы сохраняемся. Но в разработке порядок словно бы пошатнулся. А как иначе испытать нравственную силу человека? В испытаниях кажется, что Бог оставил нас. Почва тональной опоры в разработке уходит из-под ног. Священное Писание говорит о временах собирать камни и временах разбрасывать их. В экспозиции камни души собраны в восторженную цельность. В разработке силы мироздания кажутся поколебленными. Но преображенная в разработке

⁷ Дерзость — от самонадеянности. Дерзновение — от упования на любовь Божию. Попросит ли ученик сто рублей у директора? Это наглость. А у мамы — запросто. Это и называется сыновним дерзновением. Дерзай, дочь, дерзай, чадо, — ободряет Господь смелых в любви к Нему. Ищите — и обрящете! Доверие к любви Божией — обязательное условие.

душа не в панике, не в ужасе. Она полна верой и отвагой. Пушкинские слова об «упоеании в бою» кажутся здесь очень подходящими.

Время голографично, самоподобно на всех своих уровнях. И то, что совершается в разработке, пронизывает и личную жизнь человека, и всю историю. Времена разбрасывать камни — великие, как и всякое проявление Божественной мысли. В них испытывается и укрепляется душа человека, народов, человечества. Пшеница Божия отделяется от плевелов — маловеров и неверов. Испытания, как и само время, — временны. Испытанной душе дастся великое дарование. После Смутного времени, после специального покаянного поста последовал на Руси каскад чудес, настал новый этап русской истории. Выдержала страна нашествие Наполеона со «двунадесятью языками» — и был дарован ей сонм гениев, которые вывели русскую культуру на сцену всемирной истории. Великое брожение и всеземное разделение тех, кто за Христа, и кто за антихриста, случится перед концом истории. Маловерные, по пророческому слову Христа, будут издыхать от страха, потому что силы небесные поколеблются (и участь боязливых, согласно книге Откровения, — в озере огненном). А верным Христос советует восклониться и поднять голову, ибо приближается избавление. Общеисторическая триада *i:m:t*, начавшись в раю, завершится уже в вечном Царствии Божиим. Об эсхатологическом экстазе пророчествуют обычно коды финальных частей сонатно-симфонического цикла — как в Первом фортепианном концерте Чайковского, во Втором, в Третьем Рахманинова. Строятся эти коды на темах любви, преображенных торжеством и ликованием Святого Духа в спасаемом человечестве.

Но вернемся к сонатной разработке. Стремительный уход в далекие тональности умножает жажду главной тональности. Она достигает апогея в предыкте к репризе. Он строится на длительно выдерживаемой гармонии доминанты. Доминанта в триаде *i-m-t* — тоника-доминанта-тоника — занимает особое место. Начальная тоника — законоположение. Доминанта — гармония прошений, молений, стремлений, надежд, предвкушений. Кто не чувствует её молитвенной силы, её духовно-вертикального измерения, — далёк от понимания основ музыкального языка. Её стремящая пророческая сила синергийна: она тянется к будущей тонике, потому что та притягивает её. Стрела времени: куда летит? Не наугад выпущена. Летит из рая в Царствие Божие, где растворится в океане вечности, утратив разделённость прошлого-настоящего-будущего, но став вечно настоящим состоянием любви, однако без потери исторической памяти, в центре которой будет историческая жертва Христа и воссияют в красоте подвига праведники-богоносцы, и всякая слезинка за правду Божию станет украшением душ.

В предыкте к репризе длительное выдерживание доминанты концентрирует ее предвосхищающую силу. И когда в осуществление её пророчества возвратится исходная тоника, а с ней и тематический материал, — она будет уже совсем не та, что в начале. В ней просияет радость пройденного пути и достижения. Достижения ли? Это самонадеянно. Разве мы назначаем времена и сроки? Главная радость репризы: чувство

освобождения и благодарной легкости, ибо окончены времена испытательного разбрасывания камней. Пришло время Божественного собирания камней слаженного бытия — «потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира». По Иоанну Златоусту, эти слова апостола охватывают все мироздание. Ради этой-то божественной радости реприза победила всех её отчаянных противников от Стендаля до Адорно, мотивировавших свои ликвидаторские требования отсутствием реприз в жизни. Ничтожный, примитивный аргумент! Красота музыки — не от праха земного. Обыденность — для обывателей. А у божественной красоты свои законы — неизмеримо высокие.

Кто придумал непредставимо мудрое устройство языка музыки? Это как спросить об авторстве китайского языка. Разделение языков случилось сразу после столпотворения. Тогда же китайским мудрецам по наитию свыше пришла в голову идея иероглифической записи мыслей в обход звуковых различий. Таким способом еще задолго до Библии удалось зафиксировать библейские первоначальные откровения и последующие обетования Христа. Но мудрецы — только голос Промысла. Автором же вербальных языков, как и музыки, является бесконечная мудрость Божия. Не сразу появилась доминантовая гармония, не сразу возникла сонатная форма, но они всегда существовали в Божественном всеведении.

«Форма значит красота», — писал Глинка. Воспринимая музыку в ключе красоты, он стал гением и родоначальником русской светской музыки. Богозданная красота, как энергия восхищенной радости, освежения духа и окрыления души, напевает собой одновременно и музыку, и душу. Естественно тогда и теоретическое осознание разворачивать в энергийном ключе. Говорят, например, музыканты о «художественном приеме». Прием — от «принимать», как подъем — от поднимать. Что принимаем, например, в приеме *al niente* («до ничего»)? Название означает максимально возможное исчезновение звучания в напряженной тишине. Поразительно, но этот прекраснейший и основополагающий прием прошлых веков ныне никто не умеет исполнять, кроме немногих изумительных мастеров (таких как Хейфец, Горовиц, Плетнев). Д.А. Башкиров в мастер-классах дает ошибочные рекомендации (думать об опорном звуке, а об улетающем в небеса не думать). Тогда музыка, как и от всякого формализма, мертвеет. Пропадает напряженность цезуры, без которой засыхает на корню следующая фраза. Смысл рекомендации понятен: акцент внимания на улетающем звуке низводит его на землю, — но только если мыслить его материалистически. А если услышать на Небесах в энергиях восхищенного прошения? Тогда рождается чудо, и межфразовая цезура наполняется столь великой энергией, что заряжает ею, небесной, не только следующую фразу, но и все последующее развитие до окончания пьесы. В категориях *i-m-t* улетающий

звук и замыкающая его цезура — это *t*, кульминация синергии⁸. На материалистическом языке, знающем только активность и пассивность, но исключая понятие синергии, чудо приема, как и вообще, всякой красоты, описать невозможно.

Хотелось бы сделать маленькое отступление, чтобы полнее войти в понятие акцента внимания. Всякое слово окружено духом, без которого деревенеет. В духовной оболочке слова есть обертон важности. Это слово мы тоже используем полуавтоматически, говоря о делах важных и неважных. Но в «важности» есть вектор таинственной влекущей глубины⁹. Если позволить этой силе расцвести и плодоносить в нас, душа начнет перестраиваться (вспомним семиотику святых отцов, о которой шла речь вначале). Эта углубляющая душу сила присутствует и в слове «в-н-имание»¹⁰, перерастающем в «по-н-имание», которое есть видение-имение сути, то есть изначальной мысли Божией, породившей этот «малый логос бытия» (говоря словами Максима Исповедника). Плохо ли для нас быть зрячими, смотря на мир из заповеданного нам богомудрия, а не из подброшенного дьяволом мировоззрения? По закону онтологизма (тождества мысли и бытия) зрячесть умножает в нас, до того мнимо-сущих, крепость бытия.

Действующий в духовном внимании вектор мистической важности и составляет тайну правильного исполнения возлетающего в божественную тишину звука в приеме аль-ниенте. А равнодушно-механическое его исполнение аннигилирует силу возлета и мертвит музыку.

Духовным вниманием и пониманием нужно воспринимать любой элемент музыки (ту же доминанту, например). Не равнодушные винтики звуковой материи в сознании гения, а живые восхитительные энергии Божественной мысли. Только из божественного материала можно строить шедевры, а не из человеческой глупости. Это было так ясно для меня, когда в 2017 году пришлось мне быть председателем ГЭК и в течение двух недель каждый день прослушивать по два экзамена по всем исполнительским специальностям, по концертмейстерскому классу и ансамблевому исполнительству! Хотел написать статью «Неформальный отчет председателя ГЭК», да руки не дошли. Зримо, словно написанными золотыми буквами в сердце, предстали предо мной критерии оценок. «Отлично» — это когда в интонационном слухе горит огонь духовной вертикали. Отсюда артистизм, свобода в духе, отсутствие мышечных зажимов и двигательная свобода (например, во вдохновенном ведении смычка, в пластическом соответствии

⁸ Более подробно об этом в статье автора «Духовное микроинтонирование»: // С.Рахманинов та культура України. С. Рахманінов: на зламї століть. До 145-річчя від дня народження С.В. Рахманінова. Харків: Майдан, 2017. С. 8-30. <http://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/microintonirovanie/>

⁹ Вспомним, например, как Пьер Безухов во сне остро переживает глубинную важность слова «сопрягать».

¹⁰ Сложение слова как в греческом *προσῳχή*. Та же основа в словах прием, приятный, поднять, возыметь.

движений кисти, рук и корпуса пианиста смыслу интонации), живая инициативность в каждой фразе и энергично-смысловая сопряженность фраз друг с другом, влекущая сила развития, слышание партнера, осмысленные ответы на каждое его высказывание или сочувственную поддержку, радостное дарение ему и своей любви. И все это — Одно, некая несомненная цельность, где всякий элемент артистизма служит поддержкой другому. «Хорошо» — уже иная цельность, построенная на имитации отличного исполнения. Духовный восторг, которым живет красота, можно только являть. Его нельзя «выражать» или «изображать». А чтобы являть, нужно жить являемым. В имитации присутствует момент фарисейства. Изъян в корне ослабляет все элементы и все связи того целого, которое мы выше оценили как отлично. Появляются неловкости, ощущается некая искусственность. Старание приблизиться к идеалу все же приносит некоторые плоды, и слух не отвергает хорошего исполнения, хотя оно и не сильно радуется. «Удовлетворительно» имеет много градаций вплоть до «неудовлетворительно», которое на выпускных экзаменах не ставится. Хуже всего, когда у студента нет не только духовно-интонационного слуха, но и просто интонационного. Такие учащиеся обычно вовремя отсеиваются. А непроработанность интонационного слуха духовными энергиями — случай достаточно частый.

Вот бы таким способом оценивать и всё! К примеру: «Сейчас страна живет на четверочку с минусом — надо б усилить вектор подъемной силы в системе образования, просвещения, в науке».

Собственно к этому идеалу фундаментальной педагогики нашей страны и человечества и направлен пафос статьи. Наши слова, интонации, поступки, научные и управляющие идеи не должны быть деревянными. Лучше б взойти на уровень гениальности. К этому вопросу оживления общества и мира, который будет рассмотрен в третьей части статьи, мы переходим.

А осуществлённый выше краткий духовный анализ существующего и желательного стиля музыковедческой науки служил для этих более высоких целей как бы трамплином.

Музыка ведь не случайно уже с древности воспринималась как самое божественное из искусств. Платон и Конфуций утверждали: от малейших изменений в ней меняются и все важнейшие политические и государственные установления. Если музыка в центре общественного бытия, то понятно, почему в Китае чиновников не допускали к должности без экзаменов в Палате музыки. Музыка умудряется воспитывать человека уже с пренатального возраста. У нее многому стоит поучиться фундаментальной педагогике человечества и всем отдельным сторонам культуры.

Сила музыки — в ее слабости. Инструментальная музыка лишена слов? Прекрасно! Зато припадает к его источнику. «От избытка сердца глаголют уста». Музыка освобождена от мелочей житейской горизонтали. Зато все внимание — к последней сердечной глубине сущего, к беспредельности духовной вертикали, пронизывающей мироздание. Без

чувствования абсолютного центра сущего человек слеп, да и не человек он (Еккл. 3:18). Из неведомой последней глубины несется к нам невидимое Божественное Слово, неразрывное со Святым Духом.

«Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину». Наставит особым, внутренним образом — произведя в нас истинное видение-ощущение, родящее понимание и могущее быть оформленным словесно. А без Духа познание невозможно. «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить». Теперь — до принятия Духа. Иоанн Златоуст комментирует, ведя беседу со Христом от лица апостолов: «Разве Дух больше Тебя, что теперь мы не можем уразуметь, а Он даст нам возможность уразуметь? Ужели Его действие сильнее и совершеннее? Нет; и Он будет говорить Мое. Поэтому и прибавляет: не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам».

Христос, Сын и Божественное Слово¹¹, неотрывен от Святого Духа, и вместе свидетельствуют о Боге-Отце.

Мы — по образу и подобию. Потому и наше слово устроено сходно. И как понятийный смысл слова воплощается в фонетическом слове, так его дух и энергийный смысл воплощается в интонации. Музыкальная интонация в случае гениальности тоже говорит не от себя. Потому мы и называем её вдохновенной. Одним взлётом смычка скрипач способен устремить души в последнюю цель сущего.

А исцелённое от серости музыковедение может передать опыт музыки иным сферам культуры. Бытие есть общение, — потому и сферам культуры необходим духовный диалог. И кто послужит ему — воздастся тому за труд¹².

3. Потребность динамизации гуманитарных наук

Под динамизацией наук понимается возвращение к творчески-энергийному, синергийно-векторному пониманию их предмета.

Слова динамизм, динамика, динамит, династия, динамизация идут от аристотелевского понятия дюнамис. Это сила в возможности, в потенции, — в то время как энергия (от эргон — работа) есть проявленная сила в действии, в изменениях и преобразованиях. То, что в возможности, можно назвать и способностью. Но переименовать душевные силы в способности, а

¹¹ По гречески — Логос, от лего «собираю»: не многословие, но скорее один, единый на все сущее Смысл. Смысл — не для ума только. Ум еще не человек. Еще и для сердца в восторге красоты и любви. И для воли в радостном подвиге жизни. Для души в целом как единой многоспособной, себя сознающей в любви к Богу силе. И для всей «твари», «совокупно стенающей» от несовершенства человека и «с надеждою ожидающей откровения сынов Божиих» (Рим. 8:18). Весь ангельский мир и все творение, само время устремлено в славу Царствия Божия, ради которого пришел на Землю Христос.

¹² Спросил я блаженную схимонахиню Антонию: вот то, что я пишу в музыкознании, — это только мой гражданский долг, или имеет отношение ко спасению? Имеет, — ответила прозорливая старица.

действенность слов в значения, забыв при этом об их энергийной составляющей, о том, что сила-динамис есть способность именно к действию, к проявлению скрытой силы и изменениям в мире, — было прискорбной ошибкой и иссушением культуры. В Афинах, на Митрополичьей улице, под зданием министерства образования и религии есть маленький византийский храм Агия Динамис. Храм Святой Способности? Нет, конечно. Без Святой силы — нет и синергии, нет вдохновения, нет энтузиазма, нет чудесной радости красоты, нет любви как переноса бытия в другого. В отказе от динамического понимания сущего — глубокая причина оскудения культуры и жизни. Что остается духовным трупам? Питаться захватом, сексом заменить любовь, в ажиотаже наживы рвать зубами на части соборную человеческую природу, объединяясь в стаи, подобно бесам? Дегенеративные процессы в человечестве делают бессмысленным продолжение истории. Да и самому полуразложившемуся трупу человечества — откуда взяться воскрешающей силе?

Ньютон, как уже говорилось, динамизировал физику, введя в нее объяснительный принцип силы. А из гуманитарной сферы сила ушла. Ушёл энергийно-векторный подход. Его-то и предлагается восстановить в правах.

Со времен Ньютона количество физических формул и уравнений непредставимо умножилось и растёт с ускоряющимся ускорением, демонстрируя тем самым — уже с новой стороны — бесконечную премудрость Творца, соизмерившего мироздание во всех мыслимых и немыслимых отношениях.

Но физика описывает силы операционально, извне. А что есть сила сама по себе, как таковая, если взглянуть на нее с внутренней стороны? Ньютона, как христианина и богослова, этот вопрос не просто волновал. Вопрошающее напряжение веры было мотивом (мотив — «движущий») его жизни и научной деятельности. Но еще четырем веками раньше возвышенная душа Данте в поэтическом вдохновении воспаряла в Небеса, воспевая дивный гимн любви, «что движет солнце и светила».

Не тем более ли победно воспарить следовало бы этой силе в гуманитарных науках и сообщить им тот же взлёт, что и в физике с производными от нее технологиями, подобно тому как воздвиглись на радость человечеству великие шедевры искусства посленьютоновского времени?

Важнейшая идея для всей культуры и ее науки — развитие. Грандиозной перспективой восхождения человечество обязано христианству. Неслыханная перспектива разом соединила всё: конечное и бесконечное, временное и вечное, человеческое и Божественное. До беспредельности раздвинулись все понятия. Человек, ничтожнейшая, казалось бы, пылинка, получил заповедь обожения. За границы исторического времени простерлась воля (без такого удлинения окрепшей воли не возникли бы, кстати, высшие жанры музыки: языческая симфония — абсурд), просветлел в просторах беспредельности ум, а сердцу дано задание и благодать Духа принять в себя любовь Божию. Вслед за антропологией объяснена и космология. Зачем

мирозданию стрела времени? Куда летит, не наугад выпущенная? От рая устремилась в Царствие Божие, чтобы жить людям в Боге и Ему в них.

Как летит стрела? Как вечностью питается время? На примере музыки мы видели, что смысловые кванты времени гомоморфны на всех масштабных временных уровнях от истории бытия до наикратчайшей цезуры. Если в момент цезуры нет огненного видения ближайшего и отдаленного будущего в касании вечности, инструмент перестает говорить, перестает общаться, а бесцельно возить смычком туда-сюда — никому не интересно. Что для уха миг идеальной тишины в духе, то для глаза — темнота. Японские ученые выяснили, что в момент моргания в мозгу наблюдается всплеск сигналов в разных областях мозга, что помогает переключению мысли. В речи ведь тоже при окончании фразы нужно догадаться о дальнейшем течении мыслей (об этом скачке-догадке писал в свое время Н.И. Жинкин). Что такое межфразовая музыкальная цезура в масштабе мироздания? Даже и не пылинка, не атом, не электрон. То, что мельче всего. Но в дивном мире Божественной любви, где всякая малость может стать голографически равной целому, она обретает беспредельную силу. Цезура — «квантовый скачок» в мире синергии, мгновенный прорыв горнего в дальнее. Когда он может случиться? Именно и только сейчас, в это самое мгновение. Только «сейчас» дано нам в полное владение (над прошлым и будущим мы не властны). Что мешает именно в это мгновение принять решение о цели своей жизни? Великий чудотворец Иоанн Кронштадский писал о точке в молитве, когда с несомненностью знаешь: решение на Небесах по твоему прошению принято, и никакая сила в мире не может воспрепятствовать ему. Тогда чудотворец с позволения Божия может это объявить тем, кому это нужно. Мне приходилось видеть такие моменты у старицы схимонахини Антонии (Кавешниковой), у старца Николая Гурьянова и других. А в музыке квантовые скачки озарений запечатлены в эскизах гениев. Да и в нотах они вняты для опытного слуха. В исполнительском искусстве они обнаруживаются в реакциях слушателей. Подобный момент — вступление мелодии после фигурированного медленного хора в «Лунной сонате» Бетховена в исполнении А. Рубинштейна — Зилоти описал Листу. Зал замирает в момент чуда, когда отверзается Небо и звучит божественно-нежный голос утешения в этом религиозном по духу адажио.

Развитие — векторное и энергичное понятие. Последней целью бытия и всечеловеческой истории определяется последняя цель воспитания личности и человечества. Вне генеральной направленности к Царствию не существует ничего. Миллионы управленцев бессмысленны без направленных. Последние цели не выдумываются. Они принимаются, подобно тому, как научные истины открываются ученым, а несказанная красота — музыкантам. Если направление выбрано неверно, миллионы управленцев трудятся для гибели страны, народа, человечества. Сколько вавилонских башен было повержено в истории? Мир — не скопище разрозненностей, но голографическая цельность. Так же голографически организована и целестремительность развития.

Всецельность целестремительности не выводится из материи, потому что та — управляемая, а не управляющая сторона сущего; служебная и вспомогательная, а не смыслонесущая. Материя не могла саморассчитаться с бесконечной точностью, тончайшим образом согласовав множество своих законов, да и так, чтобы сделать возможным и осуществимым развитие (ничтожнейшей ошибки в числовом значении любой из физических констант достаточно для того, чтобы мир остался навсегда мертвым хаосом). Откуда ей, бессмысленной, взять океан формул современной физики, если она даже и Ньютона-то не знала? Если б могла взглянуть на себя взглядом свыше, хотя бы как Ньютон, — должна б стать для того не глупее его: прочитать Библию, вывести из нее понятие силы, стать богословом. В Ньютоне тоже была эта, прежде всех век рассчитанная материальная сторона, тело его. Но человек становится существом разумным, только глядя на материю, мир и себя глазами Творца. А сам этот взгляд истины, красоты, любви, добра, справедливости, совершенства, жизни не навязывается человеку насильем, а открывается ему по мере желания. Эта мера неодинакова в людях, народах, цивилизациях. Кто-то впереди, кто-то тянется за совершенными. Случайно ли греки назвали мир космосом, то есть красотой? Красота синергийна. В восхищении — жест открытости, но также и подъем в жесте восторга. Не случайно именно греки первыми из язычников подошли ко Христу, и Он, вопреки опасениям апостолов, откликнулся на их приход таинственными пророческими словами. Не случайно все книги Нового Завета дошли до нас на греческом (а не на латыни — в Римской-то империи!). Без древнегреческой концепции Логоса (слова-смысла), творящего красоту в природе и просвещающего людей, — как прозвучать первому слову Евангелия от Иоанна? Родившаяся в Александрии царская дочь Доротея («Богом данная») восхищением красоты познала единство сущего; став затем в крещении Екатериной («вечно чистой»), приняла великие муки за Христа, прославлена в лике великомученицы, наш град Екатеринбург отдал себя под её молитвенное покровительство. С такой-то горячностью откликнулись языческие до того народы на откровения христианской веры, вступили на путь богообщения в синергии и благодатью Божией были вознесены на вершину человечества и его истории.

Откуда же тогда оскудение, безобразия? Как это в королевской семье Великобритании в пример всем англичанам готовится первая в мире свадьба и венчание однополых? Почему, согласно неумолимой математике деторождений, Запад уступит место выходцам Юга (если то позволит время истории, сокращающееся, как Шагренева кожа, от отсутствия покаяния)?

Христос, пророчески предначертавший пред апостолами весь путь истории, не скрыл и её темных сторон, центробежных тенденций, апостасийных процессов.

На недоумения Новейшего и апокалиптического времени Он ответил заранее, указав на фундаментальную неоднородность истории в притче о пшенице и плевелах. Пшеница — те, кто определил вектор своей жизни центростремительно, синергийно, в искании правды, богоподобной чистоты,

святости, совершенства, в жажде Царствия Небесного как последней цели бытия. Плевелы — определившие себя в бытии отрицательно, центробежно, в стяжании бесподобия и дьявольского аутизма, возжаждавших вечного отщепенства от Бога и Его любви. Бесы уже прошли, а вставшим на плевельный путь надо опасаться пройти точку невозврата, когда покаяние становится невозможным. Можно ли представить в Царствии Божиим маленького лысого человечка, трясшегося в злобе при одном только упоминании о Христе и Церкви, издавшего декрет о запрете набатного звона с преданием революционному трибуналу даже и хотевших его совершить, в указе Дзержинскому (01 .V. 1919) отдавшего распоряжение расстреливать попов «беспощадно и повсеместно»? Силой несказанное не навязывается. Любовь Божия для бесов — мука ни с чем не сравнимая, нестерпимая.

Дегенеративные изменения в людях и деградация их жизни — не физикалистский процесс. Тьма в истории — не по воле Бога, а по Его попущению — уступке бешеному желанию людей, во зло себе обративших божественный дар неприкосновенной свободы воли. Божественная же воля откроется в явлении Христа миру во славе. Встречено будет оно людьми по-разному.

Если же история — не физикалистски-детерминированный, а синергийный процесс, то, следовательно, остается и возможность соборного покаяния и осветления соборной жизни, гуманитарных наук, в частности. Но, может быть, человечество прошло уже точку невозврата, после которой время, по пророчеству Христа, ускорится, дабы не погибли для вечности те, кто мог бы спастись? Вроде бы ведь уже для всей земли подготовлены и карты, чипы для вживления, без чего человек в электронном концлагере антихриста не сможет ни продавать, ни покупать, но по принятии наследует вечные муки (Откр. 13:17, 14:11). Бог же будет спасать не принявших начертания.

Не сбылись важные признаки конца истории. Цивилизации Земли перемешаны еще не в той мере, чтобы все человечество могло разделиться на тех, кто за Христа и кто за антихриста. Главный признак приблизившегося конца истории, о котором говорит Христос, — всемирная проповедь Евангелия. Она не достигла еще кульминационной точки, после которой каждый человек на земле мог бы совершить осмысленный выбор своей вечной участи.

Потому и гуманитарные науки ещё могут — следовательно, и должны! — исполнять свою высокую миссию на Земле. Для миссии нужна ясность взора, различающего пути пшеницы и плевел. Пока же они под гипнозом плевельных влияний. Гуманитарная наука в целом и фундаментальная педагогика Земли, как её ядро, необходимой ясности пока не имеет. Что делать ей, бедной, бессильной? Вернуть силу, векторное-синергийное и нравственное измерение.

Нельзя ли, по примеру Евклида в математике, Ньютона в физике, построить на основании выводного знания теорию всего на свете?

Эту идею я пытаюсь осуществить в работах 2018 года. Но вот характерное знамение времени: краткие тезисы выступления «Выводное

знание в музыке и гуманитарных науках» на конференции, посвященной методологии музыки и естественных наук»¹³, отвергнуты в Консерватории под предлогом несоответствия теме. И какие же могут быть перспективы у современности, если она перечеркивает главное в методологии — тот импульс познания, который лежал в корне наук и искусств величайшей цивилизации человечества? — Блистательная иллюстрация того, о чём говорится в заглавии настоящей статьи!

Стимулом к синергийной перестройке наук может служить глобальный системный кризис человечества во всех областях жизни, начиная с духовно-нравственной сердцевины. Кризис переводится как суд. Суд над историей, потерявшей в Новейшее время ориентацию в сущем. Прогресс, то есть буквально «шествие вперед», мы давно уже спутали с регрессом («шествием назад» — деградацией). Разве всемирный Содом и гей-парады были целью всего того лучшего, что оставили нам в напоминание и помощь прошлые века, что запечатлено в шедеврах Баха, Моцарта, Рахманинова? Безобразие топчет красоту, истина в небрежении, заменена индустрией фейков и фейковым «мышлением», окрыленность преображенной вдохновением воли подменена тупым упрямством своеволия. Из лексикона человечества исчезло понятие вдохновения. На смену онтологизма пришли психизмы с их пошлыми «мышлениями» и эмоциями.

Исчезла чудесность жизни. Не до неё. Остался бы хоть сверхзарплатный энтузиазм. Но и его нет. Христос предложил Свою жизнь в образец служения. «Сын Человеческий не пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». Когда христианская цивилизация освоила вдохновляющий идеал служения — она резко превзошла иные цивилизации ревностной энергией творчества. «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою». Христиане начали называть свой труд службой, служением. Наибольшие перестали именоваться магистрами и магнатами — стали «министрами» — слугами. Таковы ли ныне отношения между министерствами и народом?

От попраiania заповедей уныние простерлось над человечеством, сея в народах массовые депрессии, панические атаки и множество иных духовных и психосоматических болезней...

Деонтологизирован ум, призванный к свету. Философ-жрец-базилевс Пифагор за откровение по вопросу о несоизмеримых числах принес в благодарственную жертву богам 500 быков. Несоизмеримые катеты и гипотенуза соизмерились на уровне квадратов. Предела многоуровневости нет. О том — теоремы Гёделя, после которых заговорили о мета-языках, мета-уровнях, мета-науках. Лестница восхождения ведет к Творцу, рассчитавшему мир с бесконечной точностью. Современные люди лукавы. Когда теория вероятностей считает земные вещи, — она хороша. Свидетельствует о Творце? — её просто нет. Против совести прёт плевальное упорство тьмы. Святые первых веков пророчествовали: люди последних

¹³ См. <http://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/theses/>.

времен станут безумными и здравых умом будут называть безумными и преследовать. В заведениях карательной медицины святых «лечили» от веры инсулиновыми шоками, как то было со схимонахиней Антонией¹⁴.

Воля как сила праведной жизни подмята упрямством апостасийного человечества — уже не волей религиозного происхождения, а свирепым желаньем самовластья.

Любовь — жизнь в другом. Любовью Бог-Отец вечно рождает Сына и испускает Духа, отвечающих Ему любовью же. Философский абсолют не любит, потому мертв. Живой Бог создал людей по образу Своему. Способность соборной любви вложил в сердца. Любовь и красота — предмет человеческого сердца. Земля же воспылала ненавистью.

Выворачиванием всего держится предсказанная в Новом Завете апостасия (отступление человечества от Бога), пытающаяся воздвигнуть последнюю в истории Вавилонскую башню дегенеративной антицивилизации.

Кризис-суд наших дней, слава Богу, пока не Страшный, не окончательный. До окончания истории это суд предостерегающий и поучающий, призывающий к бдительности и деятельному покаянию. Всемирный глас покаяния, пророчествовал прп. Серафим Саровский, изойдет из России.

Кризис требует критики — способности суждения, умного разделения перемешавшегося добра и зла. И критериев — оснований для распознавания жизнетворящего и губительного.

Критическое переосмысление всего опыта истории и нынешних ее последних дней составляет великое задание для современных гуманитарных наук. Говорить о каждой по отдельности — значит никогда не закончить статью.

Несколько слов все же о науке управления. Ныне водимая корыстью, призвана она стать управлением по высшим смыслам жизни, научившись руководствоваться пафосом фундаментальной педагогики — ведения человечества к последней цели жизни на земле.

Что видим сейчас, например, в управлении образованием? При отсутствии высших целей посыпались из Минобрнауки формалистические указивки, всевозможные ФОСы, ЗЕТы, ЗЕ¹⁵. Чего задумали! Умертвить науку, умертвить искусство, умертвить жизнь в стране! Как могло в голову взбрести — построить среднеарифметическое из химика и скрипача, директорами художественных заведений ставить даже и тех, кто ничего не понимает в искусстве, зато преуспел в бумажно-компьютерной казуистике. Своеобразие,

¹⁴ *Медушевский В.В.* Помяните мою любовь. О старице. 4 издание. Минск: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2010.

¹⁵ Как откликнуться на нелепые требования? Возражать — слетишь с работы. Скрытой издевкой? Так, наверное, надо понимать исчисление трудоемкости артистов Новой Оперы — по количеству звуков в час. У фэготиста она, к примеру, равна 6384, вздохов в час — 570. См. — <http://www.classicalmusicnews.ru/news/new-opera-counting-stuff-2018/>

неповторимость — условие развития. Унификация, стандартизация возможны в технологиях, а людей убивают. Среднеарифметического человека не бывает. Различия дарований и профессий драгоценны. Они, учит Иоанн Златоуст, — для любви. Чем могут одарить друг друга клоны?

Ум — не шкаф, а сила познания в синергичном устремлении к истине-доброту-красоте. Чтоб получить — надо возжелать. «Блаженны алчущие и жаждущие правды»!

У шкафов же — мебельная антропология, онтология, обессиленные деревянные понятия. Слова Бэкона «знание — сила» — не о могуществе техники, а о человеке. Сила страны — в гениальности людей. Именно гениальность — способность к вдохновению — является целью образования. Пропущенные через мясорубку ФОСов и формалистических правил гениями уже никогда не станут. И какова тогда судьба нации?

Не будем говорить уже о лукавом понятии «компетенции», освобождающем людей от совести и духовного смысла, настраивающем на беспринципность. Знание — древнейшее глубокое понятие. Но то, что пылится на полочках памяти, — не знание. Это шелуха. Знания — то, что претворено в ум, способность видения невидимого, понимания. Ум ведь так и называли — оком души. Знание — то, что претворилось в умное видение. Вместо ФОСификации¹⁶ обучения начальникам над образованием лучше было обратиться к нашим дореволюционным положениям о школьных отметках 1840-х годов, которым не удовлетворят ныне и академики. «Отлично» — это когда ученик видит предмет как Одно, в котором всё, а не как кучу разрозненностей. Навык цельного видения свободно проливается в любую деталь, куда ни взглянет ум. Голографически организованный ум лучше полка памяти. Полки не выдержат миллионов подробностей. А умное видение с легкостью держит их в себе. У Чайковского была обычная память, не такая, как у Глазунова, который мог сыграть от начала до конца только что услышанную симфонию. Но сила прозрения сверхгения русской музыки в глубины художественной правды и красоты потрясают человечество. «Культура — то что остается, когда все забыто». Остается бесценное — видение великого смысла бытия. Оно неотделимо от умения. «Ум», «наука», «учить», «умение», «навыки» — этимологически родственные слова. Талантливые студенты говорили мне, что после занятий хочется им скорее бежать домой заниматься. Конечно, а как иначе? Знать о музыке и не хотеть слышать и воплощать — бессмыслица. Знания должны стать ясновидением слуха, жить в артистической воле, в мышцах, в желании поделиться небесной высотой и красотой со слушателями.

Плоды банковского управления¹⁷ культурой и образованием видны ныне невооруженным глазом. Вооруженным тоже: норвежские ученые на

¹⁶ ФОС — «фонд оценочных средств».

¹⁷ ФРС, МВФ, которым подотчетны центробанки всех стран, включая и Россию, не заинтересованы в развитии культуры, как и всего того, что не приносит деньги. Ждать от нее управления по смыслам не приходится.

основании тестирования IQ норвежцев, поступавших на военную службу в 1970-2009 годах, отметили неуклонное снижение умственных способностей нации.

Педагогика прошлых столетий умело возжигала врожденную человеку жажду познания. Ради того у семилетнего Лейбница отняли учебник геометрии и он доказал все теоремы сам. У Баха отняли переписанные им рукописи мастеров композиции, и он стал сверхгением. Об этом приеме писал и Ломоносов. Пробуждение инициативности — стержневая цель. Ради неё в таинственной Песне Песней Библии и сам Любящий (Бог) скрывается от возлюбленной (Церкви). Навязать любовь нельзя — только взрастить, подхватив глубокую жажду познания, которая уже есть у детей, страстных почемучек. «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таких есть Царство Небесное». Жажда истины — проявление религиозной природы души. Подлинное воспитание заимствует свой метод от небесной педагогики любви.

Главное же достижение современной педагогики — она научилась гасить священное стремление к истине (идол «компетенции» — одно из средств угашения духа). Чем ее заменить? Говорят: учеников надо заинтересовать. Но не вкусняшками же, не завлекашками! Учитель — не массовик-затейник (была такая профессия в СССР). Завлекашки ничтожны и бессильны пред величием истины. Только она сама могла бы давать силы для познания себя и радость бытия. А без действий Духа остается лишь одно — насильственно, до тошноты пропихивать знания в глотку вопреки всем принципам Божественной педагогики любви. Насилие дает эффект, обратно-пропорциональный стараниям.

Результат — инфантилизация. Говорят уже о продлении периода детства до 25-30 лет. Всемирная организация здравоохранения пересмотрела возрастную классификацию: молодой возраст до 44 лет, средний — до 60. Для сравнения: деятелям известного философского течения любомудров было (кроме 20-летнего Одоевского) 15-16 лет. А каков духовный возраст, например, министра иностранных дел Великобритании? Пять лет?

«И дам им отроков в начальники», — не о поколении ли воспитанников ЕГЭ? Иоанн Златоуст комментирует библейское пророчество: «Это хуже и гораздо бедственнее безначалия, потому что, кто не имеет начальника, тот лишен руководителя, а у кого худой начальник, тот имеет ввергающего в пропасть»¹⁸. *Отроками* же здесь называет их пророк, не унижая этого возраста, но желая яснее показать их безумие... Тимофей был отроком (юношей), но управлял Церковью мудрее множества старцев. И Соломон, будучи двенадцати лет, беседовал с Богом, имел великое пред Ним дерзновение, прославился, получил венец, был по своей мудрости предметом удивления...»

¹⁸ Если спроецировать мысль святого на современность, то лучше б обойтись без министерств, как во времена Бетховена, Чайковского, Рахманинова, или милостиво содержать на государственный счет чиновников, но без права на «творчество»?

Подведем итог сказанному.

Критерий адекватности, рассмотренный в настоящей статье, образует основание для критики, как способности суждения о состоянии гуманитарных наук и всей культуры. Критика («суд») — в соответствии с теоремами Гёделя — не находится на одном уровне с тем, что подвергается суду. Иначе получится, как в шутке времен коммунизма: колебался ли? — Только вместе с партией! Если б вдруг весь мир заболел туберкулезом — болезнь не стала бы новой нормой здоровья. Так и над эмпирической историей возвышается то, что онтологически выше её. По Гераклиту, все течет и изменяется. Но гераклитовский Логос — никуда не течет и не изменяется. Не меняется Дао в китайской философии. Я не изменяюсь, — говорит Бог в Библии. И Христос говорит: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут». Время временно, вечность вечна. Вечен Бог. Истина, Любовь Божия, красота славы Его поставлены в закон человечеству, равно как и синергия богообщения. Духом Царствия Божия будет судиться всякий миг истории и личной жизни человека, всякое произведение искусства, всякий поступок. Жестко будут судимы либералисты, о которых Христос сказал: ваш отец — дьявол. Превознести права человека над правдой Божией — то же, что иметь отцом дьявола.

Нынешний глобальный и системный кризис-суд человечества — частичный, предварительный. Он служит нам предупреждением, чтоб не жить неправдой, но обратиться к правде. Безумие — опираться на то, что падает. Да не куда-нибудь, а в ад. Ад (аид), буквально — безвидность. Однако не физическая тьма, которая есть отсутствие света, а энергийно-векторная тьма ожесточения и нелюбви Бога. Может ли нелюбовь жить в Царствии любви? Потому говорит Христос: Кто не со Мной, тот против Меня. Противящийся вечному Царствию любви — наследует ад.

Долг гуманитарных наук в современный период истории — умножить в человечестве остроту духовного видения, отличать культуру Царствия от антикультуры ада. И не быть флюгером, вертящимся от дуновений дьявольской лжи.